

Александр ШИРВИНДТ: САМОЕ СПРАВЕДЛИВОЕ ИСКУССТВО - ЭТО ЦИРК

Он высок, статен и чертовски обаятелен. Искрометно остроумен. Его знают в каждом доме. Ему всегда нравились рыбалка и бега. Его первой наградой была медаль «За освоение целинных и залежных земель». О нем Александр Семенович Менакер сказал так: «Шуре Ширвиндту нужен свой небольшой эстрадный театр миниатюр. Такие люди, как он, рождаются не часто».

— Александр Анатольевич, когда вы поняли, что стали артистом? Для вас это важное ощущение?

— Оно важно, если быть в этом смысле фанатически тщеславным и патологическим актером, понимаешь? У меня учеников таких много — они по всей, по животной своей физиологии актеры. Я всегда им завидовал. Я совершенно не такой. Начинаешь репетировать — интересно, и премьеры — тоже интересно. Потом так надоедает! Но есть люди — я их знал и знаю, — которые совершенно фанатически обожают играть: чебурашку, водяного, кого угодно. Даже будучи маститыми актерами. Вот Володя Басов. Он был из этого разряда. Маститый режиссер, сценарист и так далее. Включаешь телевизор — а он где-то сидит под кочкой в детской передаче и играет! Ну хотелось ему играть! Табаков такой, Гундарева такая, Гафт такой

— А разве вы не такой? Включаешь телевизор — там вы с Державиным. С какими-то эстрадными шуточками.

— Мы с Державиным в тандеме сорок лет. Но мы, можно сказать, непрофессиональные эстрадники. Просто в этом есть необходимость. Иногда творческая, иногда вынужденная, когда зовут на всякие юбилеи, презентации — туда, где нельзя отказать, если тебе эти люди симпатичны или хотя бы не противны. Ну, и необходимость материальная, естественно. В театре же работа бесплатная. А там что-то иногда платят. Но сейчас уговорить Арканова, Горина, Шендеровича или Альтова написать программу...

— А вас не тяготит это амплуа «эстрадники»?

— А куда от него денешься? Любый молодой актер сначала пытается понять, что он может. Ты можешь то-то, это тебе идет, это тебе не идет. Улыбаться тебе не идет. А смеяться тебе идет. Сердиться идет, а плакать — нет. Смеяться тебе не идет, а идет кричать. И так далее, и тому подобное. И отсюда, если повезет, появляется актер, умеющий хорошо сыграть простака, героя или неврастеника, к нему прилепляется амплуа. И в этом качестве он используется. Талантливых актеров это клеймо, конечно, тяготит. Сколько замечательных актеров всю жизнь пытались вырваться из привычных рамок: возьми Андрию Милонова, возьми Никулина, возьми Леонова. Вот Милонов: он же — шампанское! Искрометный, танцевальный, певческий и так далее. И пока Алексей Герман не рискнул его снять в «Лапшине», только таким его и воспринимали. А то так и умер бы «шампанским». А Никулин? Тот же Герман, да и Ролан Быков открыли в нем глубокого трагического актера. Женя Леонов тоже всю жизнь был комик, комик, комик, пока не сыграл в «Белорусском вокзале» и «Поминальной молитве». И так далее. Но большей частью — что прилепилось, то и играют. Режиссеру же проще взять уже апробированное

амплуа, если это талантливо. И влить его в свой рисунок, сценарий, пьесу. Когда я работал с Эфросом, он чего-то там из меня вынимал. Было счастливое время. И играл я у него драматические роли и даже трагические. Довольно прилично — Тригорина в «Чайке». Играл в «Снимается кино» Радзинского. Играл Брехта. Это все были драматические роли.

— После Эфроса был режиссер, который вас по-настоящему раскрыл?

— Не знаю. У нас таких личностей все-таки маловато. Я давно работаю с Плучеком, помню слои его увлечений. Когда наше поколение было еще молодое, он был увлечен и много с нами работал. Сейчас мы перешли в другую возрастную категорию. И он теперь снова ставит «Ревизора», но это совершенно уже другие актеры. Тоже не пацаны, но это Гаркалин, Рябова. Это уже поколение «новой инъекции»

А что касается меня... Ну вот Трушкин уговорил меня играть «Чествование». Он был когда-то мой ученик. Я уж брыкался, брыкался. Но он меня дожал и мною занимался. С моей точки зрения, результат замечателен. Мы играем уже четыре года. И все аншлаги, аншлаги. Команда вполне симпатичная. Хоть и из разных театров. У меня четыре партнерши на одну роль: Догилева, Гурченко, Полищук, Немолояева. И я должен успевать их различать.

Мне интересно было с Сережей Арцибашевым. Очень способный режиссер. Но так, чтоб сейчас сказать: «Вот этот режиссер, к нему б попасть — и умереть!» — что-то я таких пока не вижу.

— Уже 25 лет вы играете в Театре сатиры. Получилось, что это — главная веха в вашей творческой судьбе?

— Наверное. Потому что, во-первых, это театр, где я действительно дольше всего работаю (я работал всего в трех театрах), я не самый большой бегун. За Валей Гафтом мне, конечно, не угнаться — он работал, по-моему, во всех театрах мира. Я сначала работал в Ленком с Эфросом. Потом Эфроса выгнали — мы все переползли небольшой вереницей на Малую Бронную, там я проработал три года. Потом меня сманили в Театр сатиры Захаров, Миронов и Державин. Нет — это все-таки веха.

— Вы уже больше тридцати лет преподаете. Это интереснее, чем быть актером или режиссером?

— Если честно, самое мое более-менее желанное место пребывания сейчас — это все-таки Шукинское. Тем более что в этом году меня уговорили набрать курс. Я раньше никогда этим не занимался, только дипломами. Я уже даже забыл, что на первом курсе проходят. А это ведь очень серьезное дело! Параллельно я, как всегда, выпускаю сейчас дипломный спектакль. У молодых другие глаза, другие лица, и делай с ними, что хочешь. Я когда-то в своей жизни мечтал все попробовать, понимаешь? На радио работал, влез с головой, сам ре-

жиссировал. Как накладывается музыка, как шумы. Интересно. Потом — телевидение. Тоже с головой. У меня были свои передачи — «Терем-теремок», «Семь нас и джаз», «Театральная гостиная». Первые «Гостиные» были прелестны: «В гостях у Утесова», «У Никиты Богословского», «У Михаила Жарова». Кусочки из них даже повторяют иногда. В общем, такие актерские капусташки. Но тогда не поощряли такую ерунду, страна шла к коммунизму. Потом мы с Аркановым делали «Фитиль». Ну, об эстраде я не говорю. Я всегда к ней как-то тянулся. Там я тоже и ставил много, и писал. Вот тебе весь, так сказать, спектр. Хотя нет, еще цирк. Репризы писали для клоунов. Цирк — единственное искусство, где ничего просто так не берется и не покупается. У нас обычно как? Например, миниатюру мне кто-то пишет, я ее покупаю, а она не проходит. Ну, не получилось. А автору уже заплачено. В цирке так не делается. Репризу учат, репетируют и выходят с ней на арену. И — пфу! Ничего! Тогда тебе говорят «извините!» И не платят, и не играют. Замечательная система. Так и должно быть всегда, наверное.

— Какая она, ваша роль-мечта?

— Ну сколько у меня было? Всегда хотел сыграть Остапа Бендера. И пробовали меня. И Гайдай пробовал. Гайдай вообще все мужское население страны пробовал. И я помню комнату на «Мосфильме», его, гайдаевскую. Там было ощущение, что это просто мемориал всех актеров Москвы и Московской области

— По словам вашего соавтора по книге «Былое без дум» Бориса Поюровского, вы — человек ворчливый. Интересно, каково вашей супруге Наталье Николаевне?

— Ну, во-первых, так как я ворчливый не последние два дня, а все эти сорок лет, что мы дежуры вместе, то она уже в основном не обращает на это внимания. Во-вторых, когда мое ворчанье превращается в глобальное нытье, тогда все-таки начинаются предупреждения.

— Серьезные?

— А, несерьезные!

— Принимаю на работу в театр актрису Екатерину Градову, Плучек остерегал ее держаться подальше от таких «роскошных молодых людей», как Александр Ширвиндт, Михаил Державин и Андрей Миронов. Градова вышла замуж за Миронова, и у них родилась дочь Маша. А у вас были ли романы значительные?

— Может, и были, но не помню. Значит, не было.

— Я знаю, что вы мечтали о дочери. У вашего сына Михаила, ведущего телешоу «Я и моя собака», сын и дочь. Вы считаете его более счастливым?

— Ну, наверное. Хотя эти дочь и сын его все равно болтаются рядом. Так что если только не обзывать дедом, то какая разница?

Встречалась
Алена МОРОЗОВА.

